

ФИГАРО

გამზავნი
გონიერებისა

ЕЖЕДЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА ПОД РЕДАКЦИЕЙ НИКОЛАЯ МИЦИШВИЛИ.

№ 1 4 декабря 1921 г.

Проспект Руставели № 24.
Телефон № 7-99.

4 декабря 1921 г. № 1

ПРИЕМ ОБЪЯВЛЕНИЙ.

Ежедневно от 12—1 в помещении Редакции. Проспект Руставели, 24. Тел. 7—99.

Еженедельная Газета БАРИКАДА

на грузинском языке. Поэзия, Эстетика.
Критика.

Редактор: ТИЦИАН ТАБИДЗЕ.

Выдет на днях.

В воскресенье, 11 декабря в 6 ч. вечера.

„СЕЗОН в ТИФЛИСЕ“

Доклад Тициана Табидзе.

В помещении редакции „ФИГАРО“ (Пр. Руставели, 23).

СОЮЗ ГРУЗИНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

КАФЕ-КЛУБ ПИСАТЕЛЕЙ

ХИМЕРИОН

Открытие 6 декабря.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

Печататся и выйдет на днях на русском языке книга стихов

Поэты Грузии.

Переводы О. Мандельштама, Сергея Рафаловича, Валерiana Гаприндашвили, Николая Бобырева, Татьяны Вечерки, Тристана Мачабели и др.

Книгу составил Н. МИЦИШВИЛИ.

Цена 15.000

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

Вышла в свет и поступила в продажу новая книга на грузинском языке.

Поэты Революции.

Под редакцией ТИЦИАНА ТАБИДЗЕ и ГЕОРГИЯ ЛЕОНИДЗЕ.

В книге помещены переводы старых и новых поэтов революции. В переводах принимали участие лучшие литературно-поэтические силы Грузии.

ТЕАТР РУСТАВЕЛИ

(б. госдрама).

В воскресенье, 4 декабря по случаю переименования театра

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВЕЧЕР

Григорий Робакидзе: „Шота Руставели“. Котэ Мехси пьеса „Руставели“ II картина. Шалва Дадияни: „Когда пировали“. Участвует вся труппа, хор, симфонический оркестр.

Режиссер К. Андрониашивили.

Начало в 8 час. вечера.

АНОНС: Готовится в первый раз на гр. сцене „Авгарози“— сказки фера Шалвы Шарашидзе.

Государственный Оперный Театр.

Сезон 1921—22 г.

Воскресенье, 4 декабря ПЕРВЫЙ РАЗ по ВОЗОБНОВЛЕНИИ.

С участием: В. И. Липецкого, Т. В. Боковой и Ф. Н. Дроздо-Поляева.

1) Паяцы—в 2 д. муз. Леонковалло.

Для второго дебюта В. И. Шарашидзе (бас).
с участием: Э. Н. Старостиной и А. И. Инашвили

2) Севильский Цирюльник—2 и 3 д. муз. Россини.

Дирижер В. Ф. Мизиндари.

Режиссер Д. А. Дума.

Культурное объединение Закавказья и искусство Грузии.

Беседа с народным комиссаром просвещения Д. В. Канделаки.

По инициативе Наркомпроса Д. В. Канделаки состоялось заседание Наркомпросов республик Закавказья по вопросу о создании контакта— политико-просветительной деятельности названных республик. Советские делегаты в ближайшем будущем съезды специальную конференцию для подробного обсуждения этого вопроса.

Наркомпрос Грузии Д. В. Канделаки отмечает, что вопрос о связи между республиками Закавказья уже назрел и требует своего срочного разрешения не только в смысле политическом, в виду общности задач, но и в смысле технического смысле. Необходимо подчеркнуть, что постановление Кабмина ДКПН о федерализации республик Закавказья и— как практическое проведение жизни этого постановления— образование федеральных наркоматов—не захватывает наркомпросов республик, ибо каждая из них должна углублять и развивать свою политико-просветительную деятельность именно на территории данной республики. Таким образом ясно, что речь идет о том, чтобы Наркомпрос каждой республики, а следовательно, чтобы каждая из республик распределяла свои обязанности работы каждого.

Конкретно связи эта может принять определенные формы в следующих 3-х областях: 1) в отношении просвещения, 2) в области издательства и 3) в области чисто научной. В области просветительной Грузии может установиться с Азербайджаном, так сказать, обмен студентами. Т. е. мы можем предоставлять в Тифлисском университете известное количество мест студентам Азербайджана и с своей стороны, послать в Азербайджан то количество студентов, которое будет обусловлено. Азербайджан и Грузии могут предоставлять определенное количество мест эриванскому студентству. Свидетельство необходимости технического объединения вопроса и выяснения нужд в этом отношении каждой из республик. Еще более назрелым является вопрос об издательстве. Мы в Грузии издаем литературную армянские школы, между тем та же литература печатается в Эривани. Разумнее было бы сосредоточить дело печатания армянской литературы в Эривани, которой мы могли бы передать имеющиеся

у нас ресурсы. В отношении русской литературы бывают случаи, когда в Грузии и Азербайджане печатается одна и та же литература. Это не целесообразно. Разумнее было бы установить определенный контакт и договориться, что будет печататься в каждой из республик. Благодаря этому распределению работы и обмену мы достигли бы гораздо большего богатства и разнообразия книжного рынка. Необходимо контакт и в научной области, например, в отношении раскопок, музейного дела и т. д. Предстоящая конференция должна вылить в определенные формы все те основные мысли, которые высказаны выше, и которые выданы самой жизнью.

О грузинских писателях.

Д. В. Канделаки в дальнейшей беседе коснулся вопроса, который, по его словам, его очень интересует и волнует, а именно вопроса о деятелях грузинского искусства. Д. В. Канделаки проводит определенную точку зрения: он считает, что различные течения в искусстве, не только неизбежны, но и желательны, ибо служат показателем кипучей творческой мысли. С другой стороны, в отношении деятелей искусства, которые являются разведчиками нового начала, которые являются среди деятелей грузинского искусства и которые привели к разрыву. В дальнейшем настоятельно необходимо объединить всех деятелей искусства в единый „Комитет деятелей искусства Грузии“, куда на правах секции мог бы войти и Союз русских писателей“.

С этим объединением органом мог бы иметь дело народный комиссар просвещения, как с органом авторитетным и влиятельным, которому можно было бы предоставить право издательства и пр. Д. В. Канделаки отмечает далее, что он не считает возможным скрывать действительности— в отношении Союза грузинских писателей. Установлен факт, что в этом союзе имеются элементы, чуждые искусству. Эти элементы не должны и не может быть места среди деятелей искусства и об этом союз должен позаботиться. Д. В. Канделаки указывает, что деятели искусства могут придерживаться той или иной политической ориентации, но они прежде всего должны быть деятелями искусства для того, чтобы содействовать в союзе.

О самом искусстве Д. В. Канделаки говорит:—Наша задача в настоящий момент сводится только к охране того старого искусства, что соответствует понятию об истинной художественности. Мы не углубляем это искусство, меньше всего заботимся об его расширении, ибо по существу, оно не несет в себе элементов пролетарской психологии. Скажем откровенно: новое искусство, соответствующее нашим идеалам, еще не создано. Я бы сказал больше: то новое, что создано, доказывает свое духовное банкротство. За эти годы не создано ни одной пьесы, романа, поэмы, ничего такого, что искусство могло бы оставить в качестве исторического памятника революции. Искусство наших дней не удалось еще воспринять будущей волны революции, не сумело побороть мирового катаклизма. Сама революция еще не выволакала в огне своем новых сил. То что есть пролетарского в искусстве, еще не созрело.

Пролетариат должен быть мудрым и должен взять из искусства все лучшее и поощрять его дальнейшее развитие. Я говорю, поддерживает Д. В. Канделаки, поощрять, но не извешивать. Извешивать—искусство на отращивание старого, значит извешивать это искусство, значит строить без необходимых основ, значит допускать в искусстве шарлатанство.

Этому новому искусству мы будем содействовать. Мы будем его поощрять. В этом отношении мы окажем комитету деятелей искусства Грузии всемерную поддержку—материальную,— в отношении издательства, что имеет огромное значение для художников слова, общего обеспечения, поощрения— конференций, лекций и пр. Считаю необходимым отметить еще, что дело художественного просвещения Грузии сразу приняло положительные формы. Мы здесь не столкнулись с тем саботажем деятелей искусства, который наблюдался в России. Если он частично и есть, то, во всяком случае, активно он не сказывается. Мы будем помогать всякому художественному начинанию, содействовать его развитию, скажем в заключение Д. В. Канделаки,— поскольку оно не будет противоречить нашему мировоззрению.

С. Львов

О НАШЕЙ ГАЗЕТЕ.

Мы, издающие настоящую газету, и издающие ее именно на русском языке, преследуем определенную цель.

Наша газета главным образом—литературная. Она будет отражать настроения преимущественно грузинского искусства, поскольку это намерение существует и проявляется в наши дни.

И если мы в этой области достигнем хотя бы немногого—наша работа будет оправдана.

После февральских дней грузинское искусство еще не может вспомниться. Новая обстановка, созданная в искусстве в первые дни установления советской власти в Грузии, обстановка в те дни чужда ей и во многом непримемляма, мешала проявлению тех живых творческих сил, которые еще не застыли и не впади в отчаяние перед потоком авантюристов искусства и поэзии, хлынувшим в Грузию.

В первые дни искусства в Грузии заправили лица,—дела которых впоследствии пришлось разбирать Цема и Ревтрибуналам. Этому есть свое оправдание. Тогда было отчаянное напряжение всех сил, было некогда думать, за всем уследить, все обнять.

Хотя мы и тогда были достойны иного отношения. Грузинское искусство не так легковесно и не так мимолетно, как в Грузии, чтобы его можно было отодать на

упражнение разным звездочетам и „оросителям пустынь“ вроде т. Богдатыева, который серьезно работал над составлением общекавказского шифра, могущего заменить все кавказские языки.

Но все это было и ушло далеко. Мы вступаем в новую полосу новых взглядов и иных отношений на искусство, вообще, и на грузинское, в частности, со стороны органов власти.

Постепенно кристаллизуются учреждения. Растирачиваются права и обязанности органов власти и мы, для кого советский строй был чем то новым,— постепенно начинаем разбираться в наших взаимоотношениях и перспективах нашей совместной работы.

И здесь наша газета хочет стать тем мостом, который соединит все еще ослепнувшее грузинское искусство с органами и лицами, существенно влияющими на успех нашей практической работы, на почве культуры и искусства.

Этот контакт необходим. За этот контакт высказался также всегрузинский съезд писателей.

Сейчас создается такое впечатление, что в грузинском искусстве все мертво, что нет своего голоса, инициативы, желания и воли к творчеству.

На самом же деле за эти восемь месяцев мы много перемудали, многое пе-

режили. У нас выработалось определенное отношение к окружающему.

Но помимо этого—мы не можем также пройти мимо представителей искусства других народов, заброшенных судьбой в столицу Грузии.

За последнее время чувствуется большой наплыв всевозможных искателей приключений, превративших искусство в „промышленность“. Мы пройдем мимо них. Но с настоящими, подлинными представителями русского, армянского искусства мы всегда были и будем.

Наша цель—объединение как своих сил, так и сил негрузинских, но искренно желающих стать на путь совместной культурной работы.

И уже здесь наша газета приобретает иной, большой смысл, так как она будет той нейтральной зоной, где могут быть заложены начала сотрудничества грузинского искусства с представителями искусства соседних народов и, главным образом, русского.

В этом смысле можно сделать многое. Надо лишь, чтобы считались с нами, знали наши нужды и желания и приступили к нашему голосу.

Этим голосом искусства хочет быть наша газета.

И с этой надеждой мы приступаем к работе.

Николай Мицишвили.

ЧЕМ ЖИВА ЛИТЕРАТУРА.

За последнее время вопрос о кризисе литературы остро волнует и широкие эстетические круги Грузии. Чувствуется какой то надрыв, неудовлетворенность и ощущение какой-то опасности. Последние два десятилетия во Дворце Искусств были посвящены именно этой теме—подозревая итоги и искания путей. Последний пункт, куда устремилась литературная мысль Грузии—симпозиум. Что же происходит на западе? Блестящая статья А. Ленинова является стержнем на этот вопрос.

Чем жива литература в эти дни? Как часто бьется ее пульс и какими чувствами? И в чем ее ключ, магическая формула, творческая единство из ее многоголосого рокофа? Но да минует меня сладчайший и злейший соблазн критика: страсть умоулаживать. Ибо, если и была кем либо из нас, пусть насильственно и условно, построена когда-то схема литературного движения современности, она сегодня вдребезги разбита огромной повозкой событий, потрясших, исказивших, омолодивших прежнее наше бытие. Надобно без жалости оставить все привычные построения, дабы не проглядеть живого становления литературы, ее воскресения на крови.

И если сегодня общественной мысли не под силу собрать и составить осколки распавшего космоса, проложить русло для жизни, вышедшей из круга,—то расхождение, мало того,—распыление литературы и вовсе беспримерно.

Как живоотносится ощущается это дробление в Париже, где вновь из неведомых недр с силой заблуждают творческого слова! Многообразие явления поумительно; писатели торопятся жить, прибавить идей и образов нарастает.

Что же делать критику? Не становиться историком до времени; следить за игрой воли, подбирать выброшенные на берег камни. Описывать тщательно то, что дается в руки, группировать то, что направляется,—вот пока все задание. А если разрозненные эпизоды постепенно складываются в картину целостную, то это уже наша удача, подсказка самой жизни.

Что же произошло, разбившее образ литературы и отражение его в зеркале критики? Что привело в негодность все намысливаемое? Тут не отвечать, не упростишь положения до крайности. В плане идейном, в побуждениях общественного и национального порядка, напором которых направлялась литература трех великих стран пронизала полдня почти перемена установок, угла зрения на жизнь.

Так мы видим сегодня, что едва ли не вся новая по импульсам и целям французская литература до-военного десятилетия была литературой подготовки национальной души к войне. И это не в агрессивном, догматическом, практическом отношении, а в смысле организации, заката, нравственной тренировки этой души перед лицом рокового признания того поколения, которое за одну лишь победу на Марне заплатило судьбу двумя такими жертвами, как Шарль Пегги и Эрнест Пискарри. Нужно было это удивительное поколение традиционалистов, реалистов, католиков, чтобы не погибла навеки Третья Республика. Но война миновала, и поредевшая ударная фаланга отведена в тыл, расформирована историей. Сегодня лишь доблестное меньшинство, отрешенное от водительства. Но смены ему еще не видеть.

Мы видим лишь и слышим, как вся гигантская арматура французского искусства с его мировым излучением, скриня и сорасаясь, совершает поворот под углом, который еще не рассчитать.

То-Франция. Но не менее очевидно переорождение творчества германского, т. е. очевиден самый факт, движение же еще мутно и не развернуто до конца. Но тут угол поворота таков, что едва захвативший это циркулем. Вместе с военной мощью ружья кулаки действительной, властной, по бузбанной солидарностью, личности, упование, утвержденное на патетическом веживании своей расы, посягающее на ересь среди народов, жадно обращенное на Запад. Ныне немецкая мечта заворочена Востоком, действие сменилось

по было пережить, но вступить невозможно, подыкаясь из окопного дыма, более глубокого, чем последний круг Дашта. Четыре года они были кровавыми автоматами без лица. Сегодня все дерогит в рай запуганные их толпами. Эдем перенитного бытия под экзотическими прелесами, сила и граница первозданных чувств, очарование легендарного прошлого, сладостный плен любви, картинность пейзажа, приключений на неведомых морях, по всем этим путем сонми вчерашних бойцов следуют за своими поэтами.

Творческое воображение, как «льняной корабль». Разбо, отдалось от ветхих бережков Европы». Дилу дашься, ваярая на эту эмиграцию фантазии. Стоит взять наудачу десять или двенадцать произведений наиболее заметных, выбранных притом из выклада всех трех стран, и вычитать топографию действия. Едва ли не большинство выйдет нас от берега Ганга, иные к подножию Гуджи-Яма, иные еще на итальянском склон Альпи; за французскими мы последуем из марракеша в Белудж Керков, из Сахары в Иранен; англичанцы увлечет нас на Малазийский архипелаг, да еще на подтопления вспять: лондонский и парижский драматурги, присаживные строители светских конфликтов и буржуазных дилемм, почти сразу перенесут нас оба в ближайшую Иудею.

Опять, скороспелый, напрашивается сипатс. Но мы судим верны данною зарок.

Один из живых войны—огостенение, онемение, летария земли. Ей нанесены смертоносной шагной глубокие раны, неизлечимые десятилетиями. По сей день зияют на ней борозды окопов, врытыя электрическими пугами, воронки снарядов, колен тяжелой артиллерии; деревья выжарены, исталены или убиты; как много сажен вглубь отравлена газам почва обреченных на безлюдие полей. Казалось бы, дьявольская механика наложено торжествует над трудом земли.

Но нет, читают новые книги: с каким порывом жаждя нежности принимают писатели к земле в цветку, к таинству растительной жизни. Люди, казалось бы, навсегда оглушенные разрывами гранат, слышат, как трава растет, как ревзвлет на ней Божья гуарь. Прославивший немецкий писач создает на развалинах родины «идиллы» монографию о своем лесе и о его траволнениях, и крохоборы, вытесненные, селогашиваются над миром, сом, сочетаются в цем, с большой, нематической незаностью в маленькому зверю, игралицу инстинктов и стихийных силках. Кажется, что со времени Жан Жака Руссо не было подобной влюбленности в природу; да выходя из окопов она—«возвращенный рай».

Но допуская и это лишь личина, тащщая сокровенный лик нового вдохновения, марево, фатаморгана. Однако, самая видимость эта вновь подтверждает: свершается социальное творчество.

Сразу не решим, как быть перед этим притоком печальных и вечных явлений.

Среди писателей довольно много новых имен: ладо приглядется к ним, пройтись с ними в ногу не малый конек, прежде чем провозгласит: блатуя вест их искусства. Многие выжили из строя. Много осталось. Их от прежних времен, появляются их книги,—а ведь часто не знаем, живы ли они, или давно мертвы, вперяженные призраки людей которых забыли похоронить. Есть еще тайне кого война словно отрезала от литературы, души амлутуровские раз навсегда не таков ли,—чтобы взять пример памятный и горестный для всякого,—Ари Бербюсс, ушедший на фронт во всеоружии вихревой и всеобъемлющей человечности—вернувшийся приюк на ораторскую трибуну.

Какое мвообразие, какая противоречия! Но пусть не говорят об оскудении литературной гении, об ударе творчества. Мы любим порядок, стройность, определенность, но комфорт для мысли; что

может быть отраднее, чем созерцает целостность органических эпох? Но едва ли нам дано скоро дожидаться возврата такой эпохи в дуговой жизни мира.

Ладо Гудиашвили.

В № 22 парижского журнала «La Revue Moderne» помещена нижеследующая статья С. Мого о Ладо Гудиашвили. Статью украшает фотографический снимок художника.

— Л. Гудиашвили — художник грузин — заручит нас в своих картинах виденьи родной страны, столь богатой своим колоритом. Его картины на последней осенней выставке ясно свидетельствуют о богатом, экспрессивном вдохновении. Однако, кроме картин и другие вещи художника, более интересные чем те, которые он выставил на Осеннем Салоне.

Л. Гудиашвили еще молод. Он родился в 1896 г. в столице Грузии—Тифлисе.

Богатство и разнообразие красок, которое окутывает в Грузии все, оказало сильное влияние на его артистический темперамент, направляло его к изображению различных экспрессивных сюжетов, которые он берет почти исключительно из жизни и истории грузинского народа. Его документальность исходит из архивов и музеев, в особенности из старинных церковных фресок, существующих с V века и богатых религий живописью. Это единственная его работа, давшая ему

возможность проникнуть в глубины народной души.

Его первые картины были выставлены в Тифлисе, и успех его творчества дал ему возможность уехать за границу. И выбор молодого художника пал на Францию. Париж его принял как культурный центр мира. Как сообщает журнал, Л. Гудиашвили и первый дебют художника был на Осенней выставке этого года (1920). Дебют удачный, достойный внимания. И был живо заинтересован его изображением спес из народной жизни Грузии, как например: «Idylle géorgienne» (грузинская идиллия)—произведение прекрасной экспрессии и яркого вдохновения; «Bombance à l'aube», «Bombance» и «Bombance avec une femme» — изображение забавных спес, удивительно ярких и красочных, из жизни кино—этих амашек Тифлиса. Картины эти, характерные фигуры изображены с удивительной точностью и оставляют неизгладимое впечатление.

Отделька картин Гудиашвили не лишена реализма. К тому же, любимыми вдохновителями художника являются Джотто, Дегаз, Пикассо, которые, несмотря на различие их трактования, остаются привлекательными наблюдателями реализма и жизни. Но реализм Гудиашвили извращен от крайности. Артист украшает его яркостью своих цветов и придает своим творениям характер некоторой странности, полной очаровательной привлекательности.

ХРОНИКА.

Частные коллективы.

По постановлению Наркомпроса с государственного снабжения сняты Русская драма, армянская драма и революционно-художественный театр, которым разрешено устраниваться на началах частных коллективов. Государственными остаются лишь Госопера и Грузинская драма. В виду проявления Рев.-Худ. театром большой инициативы, решено поддерживать этот театр единственными пособиями. Народный дом также передается частному коллективу, но т. к. он обеспечивает преимущественно рабочие районы—наркомпросом будет оказываться коллективу Народного дома материальная поддержка. Коллективы свободны в материальном отношении от контроля со стороны Наркомпроса, художественный же контроль остается в руках Академического Центра.

«Пьяный Вах».

По постановлению Музо Наркомпроса принят к постановке в Госопере балет Тамары Вахвашишвили «Пьяный Вах».

Издания Наркомпроса.

Печатается и выйдет в скором времени под редакцией С. Пирцхалава академическое издание поэта Николая Бараташвили с перешколки и статьями, посвященными творчеству поэта.

Печатается также полное собрание сочинений поэта Важа-Пшавела. На днях выйдет первый том.—Поэмы. Второй том войдут также поэмы. В третий—стихи и проза.

Новый Альманах.

Группа поэтов, издававших в свое время журнал «Цисартсела» (Радуга) приступила к изданию литературно-художественного альманаха—«Хомадли» (Корабль). Альманах выйдет в скором времени при участии Т. Габидзе, С. Абашидзе, В. Рухадзе, X. Варшавиши и других.

Скульптор Николадзе

Заключил брак Шота Руставели, кото

рый на днях торжественно будет установлен в вестибюле театра имени Руставели (б. арт. о-ва).

Выставки.

В ближайшие дни редакция «Фигаро» организует в своем помещении ряд художественных выставок наподобие б. петербургского журнала «Аполлон», к участию в которых будут привлечены художники Е. Ланере, И. Шарлемань, В. И. Лебедева и др.

В государственной опере.

На днях впервые в текущем сезоне пойдут в новой постановке режиссера Ахметели опера Арагачишвили «Шота Руставели». Декорации написаны художником Сидоманов—Эристовым. Балет для оперы поставил Мордкин.

— В воскресенье, 4-го декабря в первый раз с участием артиста Липецкого пойдут опера Леонковало—«Паяцы». Каино—Лепецкий, Недда—Бокова, Тонио—Дроздо-Поляев. В этот же вечер после «Паяцев» будет поставлен «Севильский цирюльник» (2 акта).

— Режиссура государственной оперы готовит постановку оперы Додидзе «Лейла». В опере выступают Бокова, Сараджев, Инаев и др.

— Комиссаром государственной оперы составлена роспись расходов и расходов театра на декабрь месяц и представлена на утверждение Наркомпроса.

— По инициативе комиссара Государственной оперы П. Ф. Дадвадзе, решено с воскресенья, 11-го декабря устраивать по праздникам и воскресеньям утренники для взрослых и детей. Режиссура для утренников поручена Дума. Будут поставлены «Семь Кузнечиков», «Красная Шапочка» и пр.

— В гос. балете начались репетиции балета «Привал Кавалерии».

Выставка В. Н. Лебедевой.

Редакция газеты «Фигаро» в скором времени устраивает выставку работ талантливой художницы В. Н. Лебедевой, прибывшей на днях в Тифлис из Северного Кавказа. Выставка откроется в помещении редакции—Пр. Руставели, 24.

РЕКА

шел в ночи пространствами чужими, Юлями, виноградниками, вдали. Моя душа была как в едком дыме, лень вела незрячая печаль.

потерял давно и безвозвратно, Келанный снов раскиданный узор. ужая ночь дышала ароматом, ле с ней вступал я в детстве в договор.

ле этих звезд мне ворожили звенья, потерял в путях свою страну, рилнь ушел, и я, как привиденье, редь раковин морских плу по дну.

проходил уснувшие деревни, слышал полусонный лай собак, тайный голос, точно тени древней, лень манит, давая мысли знак.

Я шел как раб магического слова, Переключались в воздухе века. И вот пришел к черте пути ночного, Пресекала шаг широкая река.

И варуг в душе, на берегу высоком, Заболось что то заскоро—светло, Каким необозримо-долгим сроком, Слагалось это емкое русло?

Каких числа скольких здесь усилий Сплетали пляску капель в звездный счет? По ход ключей, сочась в земной могиле, Пробился вверх, в веках река течет.

Я шел домой, И после пытки знойной Вернулся, не жалея ничего. И, наклонясь над дремлющим, спокойным, Поцеловал ребенка моего.

К. Балютин

ВЕРБЛЮД.

Двугорбый выкидыв сухой и жаркой пыли. Кошмар пустыни, медлительный верблюд. Тेषь обрывки шерсти обдуэт Лохматым пламенем зажатной карамфиле.

Брезгливой важностью глаза твои запяли Ты кокетки постаревшей блуд.— И силии мечтателей, что храмы создают На выветренной, но солнечной могиле.

Люблю следи за твоей ленивой бег Над знойным пардом Аравийских рек, Когда гниблшь инею, как Химера,

С заплесневелой жаичкой на губах, Меланхолично ты взрываешь прах, Деля тоску бродяги Атасфера.

Григорий Робакидзе.

Сатурн и малярня.

Допрашивать себя я стану раньше Вас: Согнула лишу мне мучительства какие? Все миги горькие сойдутся в некий час: Два круга есть: Сатурн и злая малярня.

От юных дней меня лишь Ревимеи зовет, Воссядут звездам на ветхом небе жабы. Рвут мухи мертвые той паутинеи свод. Что мне сорочкой быть мистической молда бы.

Земли родной судьбу и муки без конца Я нынче позабав (считайте дерским это). Все очя мне твердят о слепоте отца, Он плачет обо мне в том мраке без рассвета.

В тени усыльбы я мечту о счастье знал, И мне мерещился свой дом—очаг священней. Среди скитаний злых всю жизнь я разметал И в знак величия ношу свой горб надменный.

Тифлис Табидзе.

„Поэты Грузии“.

Издаваемая Наркомпросом на русском языке книга переводов грузинских поэтов запоздала на целых два месяца вследствие технических затруднений. В сборнике представлены свыше двадцати поэтов последнего периода, объединенных на общей платформе модернизма. С этой стороны книга должна заинтересовать русских читателей пока еще незнакомых с творчеством грузинских поэтов последнего десятилетия.

В Химерионе.

По инициативе совета грузинских писателей на днях откроется кафе-клуб союза Химерион, где будут устраиваться литературно-художественные вечера и выступления поэтов.

О. Мандельштам

Закончил перевод на русский язык поэмы „Важа Пшавела“, „Гогогур и Ашпина“. Перевод одобрен и принят Наркомпросом к печати. Та же поэма переведена также и А. Кузбиком. На днях во дворе искусств состоялось чтение обеих переводов, после чего были устроены прения.

„Лунатики“.

Вышла и поступила в продажу книга художественных миниатюр поэта Сандра Цирекидзе — „Лунатики“. Издание уже распродано.

Мечтающие Газели.

Под редакцией поэта Валериана Гаприндашвили вышла в свет очередная октябрьская книга еженедельного альманаха — „Мечтающие газели“ (Меопсобе Пномороби) на груз. яз. В альманахе помещены стихотворения Григория Робакидзе, Тициана Табидзе, Валериана Гаприндашвили, Николая Мицишвили, Георгия Леонидзе, Ш. Картели, Р. Гведадзе и др. Интересная статья Гаприндашвили — „Магия Имен“ будет переведена на русский язык и напечатана во втором №-ре нашей газеты.

Пролетарские поэты.

Пролетарские поэты грузины организовали свою ассоциацию — „Кузница“. Помещение для работ им предоставлено во дворе искусств. Решено выпустить журнал. Организацией руководит поэт Куридзе, член Московского Пролетариата.

„На грядях модернизма“

27 ноября во Дворце искусств в присутствии многочисленной аудитории, член нового совета грузинских писателей П. Ингорква прочитал доклад на тему — „На грядях модернизма“. После доклада были устроены прения в которых принимали участие Гр. Робакидзе, Тициан Табидзе и др. На докладе присутствовали Народный Комиссар Просвещения тов. Канделак.

Коллегия наркомпроса.

Согласно постановлению Ревкома Грузии утверждена коллегия Наркомпроса в следующем составе Председатель Коллегия и Народный Комиссар Просвещения т. Д. В. Канделак. Заместитель Наркома — тов. Мария Орхелашвили, члены коллегия т. И. П. Брихичев и Тактакишвили.

Академия поэзии.

Во дворе искусств (Сергиевская, 13) при новом союзе писателей Грузии открыта „Академия поэзии“. Объявлен первый цикл докладов осеннего сезона: Григорий Робакидзе — „Роды“ Павел Ингорква — „Границы декадантизма“. Тициан Табидзе — „Астралийский пест“. Паоло Яшвили — „Аутодафе грузинских поэтов“, Валериан Гаприндашвили — „Магия Имен“ А. Арсенишвили — „Александр

Блок“, Николай Мицишвили — „Имажелизм“. „Пролетарское творчество и эмигрантская литература“, Георгий Леонидзе — „Геральдика Голубых Рогов“, Шалава Абхадзе — „Лица и маски — Диалоги“ Геронтия Кикодзе и П. Ингорква, Вахтом Котецишвили — „Неизвестная грузинка“.

Новый Союз Писателей Грузии.

Образовался Новый Союз Писателей Грузии. В состав президиума вошли: Григорий Робакидзе, Паоло Яшвили, Павел Ингорква, Тициан Табидзе, Котецишвили Союз помещается во Дворце искусств, комната № 3 Там же установлено дежурство членов президиума от 12 до 2 часов.

Издательство и Дворец Искусства.

В воскресенье, 26 ноября в кабине

Народного Комиссара Просвещения Д. В. Канделак под его председательством состоялось заседание всех представителей грузинского искусства. Рассматривался вопрос об издательстве и Дворце искусств. Заседание постановило образовать комитет из деятелей грузинского искусства, которому будет поручено издательство и управление Дворцом искусств. Была избрана комиссия, которой поручено выработка конституции комитета и управления Дворцом в составе: С. Абашичи, Паоло Яшвили, Макаева, Тициана Табидзе. Комиссия в двух недельный срок должна созвать в Тифлисе конференцию деятелей искусства Грузии.

По техническим условиям настоящей номер выходит без второй корректуры.

СООБЩЕНИЯ КАВРОСТА

от 3 декабря.

Упрощение денежного обращения.

МОСКВА, 30 ноября. (Радио). Совнаркомом опубликован декрет, который значительно упрощает денежное обращение в Республике. Выпускаются новые денежные знаки образца 1922 г. достоинством в 50 к., в 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 250, 500 и 1000 руб. Один рубль новых государственных приравнивается к 10-ти тысячам руб. расчетных знаков

Петлюра и Румыния.

(Неизвестная радиостанция). 1 декабря нами найдена в архиве главного штаба Тютюниана близ сел. Удовичи, последние уничтоженные его банды, документы, несомненно устанавливающие участие румынских властей в авантюре Петлюры. Найден рапорт подвышкина Петлюры Гулай-Гулько, из которого видно, что он находится в постоянных сношениях со штабом 4-го румынского корпуса. С помощью румын производится перевозка банд по румынской территории, откуда они перебрасываются на Украину, пользуясь для комплектования этих банд разным образом. Кроме этого, из рапорта видно, что Гулько имеет специальные фонды для подкупу румынской прессы с целью распространения ложных сведений о положении на Украине. В этом рапорте особенно характерно то, что Гулько требует денег на расходы по содержанию своего штаба. Петлюра ответил выраженным удивлением: зачем ему деньги, раз он получает их от Румынии.

Протесту самым энергичным образом против позиций, занятой румынскими властями и считая, что все приведенное выше подтверждается документами, считая, что события 18—19 ноября являются только эпизодом общей программы, выработанной в Румынии, Советское Правительство вынуждено предупредить румынское правительство, что оно считает его всецело ответственным в создании контр-революционной организации на Украине.

Ликвидация Петлюровского налета.

ОДЕССА, 2 декабря. (Радио). В срочном порядке разрабатываются данные захваченные нами при ликвидации петлюровского налета на Парканы. Идеями и операционным центром авантюры является украинское бюро информации в Бендерах. Захваченные участники налета сообщили, что они близко сошлись с этим центром. Из показаний неопровержимо известно, что сорвавшийся налет был лишь частью широко задуманной операции, предпринятой по непосредственным директивам польского и румынского генштаба. План операции сводился к тому, чтобы отряд, под командой полковника Шпендера захватил Тирасполь. В то же время Приднестровский повстанческий комитет должен был поднять восстание и захватить

Кредиты для России.

БЕРЛИН, 16 ноября. Берлинская Экономическая пресса подробно рассматривает вопрос о кредитах для Советской России. Одна из газет пишет: Не нужно быть большим оптимистом для того, чтобы предсказать России уже теперь возможность работать, как только для этого будут созданы необходимые внешние условия. 130-миллионный народ не может быть исключен, и, конечно, не будет исключен из мирового хозяйства. Задача немецкого капитала — зорко следить и быть во время на месте, чтобы германское хозяйство не уступило той роли, которая ему предстоит в России.

Казнь повстанцев.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ. По приговору суда независимости в Диарбекире казнены вожди курдских повстанцев — майор Рыза-Бей, курдский поэт Фериджи и Ахмет-Мустафа. Всем казненным было предьявлено обвинение в покушении на существующую в Анатолии власть.

ПРОЩАНИЕ.

Николай Мицишвили.

Когда я свалюсь умирать под забором в какой нибудь яме И некуда будет душе уйти от чужуного хлада — Я величье выхо уйду. Незаметно смешалось с тенями. И собаки меня пожалят, лезу под ветхой оградой.

Не будет процессии. Меня не украсят фиалки. И левы цветов не рассыпают над черной могилкой. Порядочных клань не найдут для моего катафалка. Кое как меня повезут одры, пытая уныло.

И кто допустит мой рубчик, нарыны и парши Туда, где соловье святах ограничен строго. Кто честно спасенных душ откроет мне рай патриарший. Друзья! Даруйте прощенье согренившему мною.

Ивие Мдивани.

Поражена каждая клетка моя. Грезами гоним я. И кроны мои погибают от примеси гноя. И доброе имя отцов-землемашцев квадратное имя, В похоть погрязло — не ведаю больше покоя.

Мне-ль плечистых крестьян нести ярмо родовое, Добрую кровь отцов превратил я в укус и зелье. Сам догорел, как луна в медлительном зное. В сноивидных земли — я черный кошмар — не веселье.

Недопеты мысли мои сгорают в смитенный закат. Чувовищных мыслей помол хочу я докончить напрасно. Нет у меня никого, ни друга, ни верного брата. Хоть бы охульник какой ударил меня звонкогласно.

И ныне — я мертвый, босой, высохшим телом немем Должен висеть — дождями, безжалостным ветром терзаем. На перепутьи миров в высокой сушильне чернее И богов проклятым хриплым, неистовым глум.

Перевел Осип Мандельштам.

Воздушное чудоице.

В Англии на авиационных верфях в Фарнбору недавно закончен постройкой титановый военный аэроплан, превосходящий своими размерами все существующие машины этого типа. Аэроплан весит 10 тонн и приводится в движение мотором в 960 лошадиных сил. Артиллерийские орудия размещены в боковых кабинках, находящихся по обе стороны аэропланов.

Вавионская башня.

Недавно состоялась с большой помпой закладка здания Трасатлантис, мощной радио-станции. Радио-станция будет обладать мощностью в 500 киловатт, радиус действия — половина земного шара. Станция должна быть самой мощной во всем мире.

Пока очищена от леса площадь для станции на 52 десятины. Проведены широко- и узкоколейная ж. дор. для подвоза материалов. Станция решено пустить в ход в 1928 году.

Воздушные дерби вокруг света.

Американский аэроклуб назначил комиссию для организации воздушного дерби вокруг света. Приз — миллион долларов. Участники могут пользоваться всеми существующими воздушными аппаратами: аэропланами, гидропланами, летающими судами и дирижаблями. Одна десятая часть полета может быть совершена сухопутными средствами передвижения.

Англия скупает радиум.

Профессор оксфордского университета Сидли, путешествующий в качестве посланника короля Англии, прибыл из Праги в Лондон и привез с собою два грамма радия, ценность которого исчисляется в 70 тысяч фунтов стерлингов. Этот радий добыт в знаменитых залежах Иоахимсталля, монополия на добычу радия в которых приобретена английским императорским обществом, заключившим специальный договор с чехо-словацким правительством. Привезенная профессором драгоценность положена на хранение в специальные кладовые министерства иностранных дел, откуда она будет доставлена в Оксфорд для производства научных опытов.

Полярная экспедиция.

Из Омска прибыла полярная экспедиция во главе с капитаном Эльсгортом. Экспедиция обследует пути для сообщения Обской губы с Сибирью. Предполагается создать на севере автосанный путь с вагоночками для грузов и пассажиров.

Телефонные разговоры с аэропланами.

С 21 сентября беспрерывно производятся опыты сообщений по беспроволочному телефону с совершающими полеты аэропланами. Опыты дают блестящие результаты. Нескольким аэропланам, заблудившимся в туманах над Ламаншем, удалось запросить по беспроволочному телефону направление у Кройдонской станции и в течение двух минут получить точный ответ и таким образом продолжать свой путь. Опыты, имевшие место между Парижем и Брюсселем, дали столь же положительные результаты.

Рекорд человеческой скорости.

На испытанных аэропланах, состоявшихся вчера в Вильсоваже и предшествующих международному митингу авиации, французский авиатор Сади-Лекуант достиг скорости в 330 километров 275 метров в час, побив, таким образом, установленный им в прошлом декабре мировой рекорд в 313 километров 043 метра. Вчерашний рекорд установлен им на новом моноплане

Нью-Йорк № 6 в 300 лошадиных сил. Рекордный полет был совершен на высоте всего 20 метров.

Открытие памятника Ломброзо.

В присутствии громадного стечения ученых, делегаций от университетов и толпы в Вероне открыт памятник профессору Ломброзо.

Монография о Штиннесе.

В Мюнхене только что вышла из печати, в издательстве Визалда, книга „Гуго Штиннесе“, принадлежащая перу д-ра Бринкмайера. Книга содержит биографию и подробные сведения о деятельности и карьере царя новой Германии“, как автор монографии называет Штиннеса.

Эмиграция из Америки.

По опубликованным официальным сведениям, за период от 22-го августа до 15 октября сего года из Соединенных Штатов эмигрировало 14.601 чел.

Новый тип военного аэроплана.

На днях был совершен пробный полет из Нью-Йорка в Вашингтон на изобретенном инж. Ларсеном военном аэроплане нового типа. Аэроплан — блиндирован, снабжен мотором в 400 лошадиных сил и вооружен тридцатью пулеметами, могущими делать 3.000 выстрелов в минуту. Аэроплан рассчитан на обстрел траншей и походных колонн.

Царское кладбище.

В латвийском министерстве юстиции ныне собраны все царские портреты современности Петра I-го, находившиеся в большом количестве в залах судебных заседаний в Риге, с царского времени, особенно в окружном суде, где царских портретов в каждой комнате было по несколько. Царей вынимают из дорогих рам, в которых будет поставлен латвийский государственный герб.

Портреты царей будут помещены на чердаки или проланы какому-нибудь любитель, если бы такой нашелся.

Антифранцузская манифестация.

В театре Констанци, во время исполнения Марсельезы, публика устроила антифранцузскую манифестацию, заставив оркестр проклетить исполнителя гимна.

Приглашение проф. Петраницигаго.

Проф. Петраницигий получил приглашение занять кафедру социальной теории и теории права в Рижском Университете.

Новый шведский Риксдаг.

Опубликованы результаты выборов на шведский Риксдаг. Социал-демократы получили 640.000 голосов, дающих им 93 мандата (в прежнем Риксдаге — 75), консерваторы — 454.000 голосов — 62 мандата (прежде 71), либералы — 332.000 голосов — 41 мандат (прежде 48), крестьянский союз — 185.000 голосов — 21 мандат (прежде 29), младо-социалисты — 6 мандатов (прежде 5) и коммунисты — 7 кандидатов (прежде 2).

Государственный долг Франции.

По официальным сведениям, государственный долг Франции к 1 октября выражается в следующих цифрах: внутренний долг — 229 миллиардов, 55 миллионов фр. и внешний долг — 35 миллиардов и 286 миллионов фр.

Избиение Василью.

В помещении украинского посольства в Вене редактор-издатель украинского журнала „Воля“ Писнячевский дал пощечину украинскому послу Василью.

Причиной является напечатанное Василью письмо, в котором он неосновательно обвиняет Писнячевского в вымогательстве у него денег.

Паоло Яшвили и Тициан Табидзе.

Встает духан средь мутных грез. В нем Паганини тайномудрый Торгует краской для волос. Золу сбывает вместо пудры. И к чародею в ранний срок Пришла чета богемы праздной. Чтоб голубой найти цветок В кунсткамере многообразной. В кольце опаловом пост Гетеры призрак обнаженный. Колдун за скрипку выдает Газели окорок сожженный. Дает сутулый Тициан За пару рыжих крас залаток. Мышами желтыми карман Набил Паоло в блеске радуг. Факир, очерчивая круг, Готовит яды без ошибок. Поэтов ньяных ловит вкруг, И вешает их вместо скрипок.

Валериан Гаприндашвили.

Умывался ночью на дворе. Твердь сыла грубыми звездами Звездный луч как соль на топоре Стынет бочка с полными краями.

На замок закрыты ворота. И земля по совести сурова. Чисте правды свежего холста. Вряд ли где отыщется основа.

Тает в бочке словно соль звезда. И вода студеной чернее. Чисте смерть, солонее беда. И земля правдивей и страшнее.

О. Мандельштам.

ТЕАТР И ИСКУССТВО.

„КАРНАВАЛ“

(Лирика).

Лирика—это не случайно, может быть, не напрасно. Гейнеовская „Grommen Nupteschen“, „гипотеза чистые“ они—теоретикам, с их важными, строгими, стройными системами, с их глубокомысленной философской терминологией. А любителям искусства, легким и безмятежным „любовникам“ искусство, умеющим заражаться мгновенно восторженным волнением—им: лирический восторг, лирический беспорядок, лирика, душа.

Из старого дневника:
Об искусстве—не теоретическое рассуждение, а лирические излияния.
Пусть так. Пусть эта лирика противопоставляет себя холодному миру „теоретических рассуждений“—но и у ней своя философия: согретая бием сердца, его жадным исканием: чистой ли слезы, „смаха без конца“. И область этой лирики огромная, неизмеримая, подавляющая. За чем бы ни пришла в театр эта многоликая толпа (если только не для пустого убивания времени): для бездельной ли радости развлечения, для светлого катариса драматических коллизий, для смутной неги „настроений“,—она пришла для запросов души, за вопросами души, для радости лирических процессов, порождаемых чудесными инкогноскациями из миров, озеренных призрачным солнцем рамы.

Призрачно солнце, призрачны, быть может, и цветы, которые оно греет и рождает своими призрачными лучами, быть может, все выводы, вся кристаллизация этих субъективных лирических процессов—только красивая ошибка, правда момента, но не правда, как твердый тезис.

Но—без парадокса—из неправды может родиться правда. И разве эмоция театра, этой прекрасной неправды, эмоция, несущая в себе какой то живой ответ, не есть такая правда? Или опять говорить о невинности субъективного именно в мире эстетического? И не потому ли душа, наступившись об искусстве бедны „теоретическими рассуждений“, из которых каждое такое положительное и окончательное, и каждое в равной степени с другим,—душа всей этой холодной догматике противопоставляет свои согретые сердца трепетом „лирические изменения“. И в этом противопоставлении скрыто и быть может, бесознательно, душа выражает требование себе примата в выборе мире образов, извивающихся в легучем ирреальном заатотканном покрове Майи искусства...

Да, эти лирические обманам—свое место рядом с „серьезной“ критикой. Примати им, или нет—не будем спорить и об этом.

Сегодня—о „Карнавале“. Все, что ниже—быть может лирический обман: и в тот момент когда это родилось там, в стенах театра, и сейчас, когда это сказывается в слова. Но ценность этих обманов, этих субъективных моментов, для меня еще не миновала. А когда они слышатся, когда как докучный рой призраков их отгонит трезвый голос „ума холодных наблюдений“—быть может останется несколько крупин ценного металла. И они приобщаются к нетленному капиталу „теоретических рассуждений“. А капитал и не будет ведать, что он—должник этих легкомысленных олирических излияний...

Отвучало длинное вступление Свейдсена, окончился скучный пролог, и вдруг „сделанным блестящим грипада звонкая медь зазвывает фанфар листового колодеза. И тут-то, в самом приступе к действу возникает самый жуткий, самый магический момент, отчего весь „Карнавал“ заражается чудеснейшей силой, отчего, как я уже признавался, а хожу не столько смотреть „Карнавал“, сколько пожить им.

Тот привет, который шлет шумные buffоны со сцены к карнавалу, свергнувшему своими блестящими, вырванными бубен, стремительным током, там в глубине залы—магическими нитями-молянами пронизывает он зрительный зал. И зритель неуловимо и неотвратно захвачен яростно-ликующим дюнаисанским потоком рывнувшегося действия, зритель, слит, сопряжен к нему, растворен в нем. И когда этот буйный поток царственного карнавала, ается по обе стороны зала, и туда—от зрителя и на сцену,—когда зритель заключен в живую раму этого прозрачного мира театра—рождается глубоко-погружающая, правдо-жизненная иллюзия. Что сол, что лив? Мы—тихие, черные, серые зрители? Или—они: эти свергающие, жажерадостные небожители? Проблема сливается двух миров вдруг становится разрешенной. Грань перейдена, и потому захватывает дух, потому жутко. И даже свет, который в этот миг освещает зал, кажется не режиссерской: он становится светом отпуща, из за грани, в себе сливает он нас с ними и озаряет наш темный зал, наш черный мир, пока мы с ними...

Вот это впечатление повествовательного по- рога „двойного бития“, это то, почему „Карнавал“ не только хочется посмотреть еще раз,—но им хочется пожить. Он складно на миг разрешает чудесную загадку, и отзвуками этой загадки душа полна во все представление...

Карнавальное шествие, именно, как поток. Водонадами обегает по уступам амфи- театра, обтекает темную массу зрителей, наполняет до края водоем сцены, где слышное поше поше струй.

Полонез Листа, вальс Глазунова. Хореографическая и драматическая разведка музыкальной канвы сделана Мордкиным изумительно: трепетание крыльев ангелочков на высоких переливчатых фигурациях полонеза, истонная пластика испанок на горячей мелодике вальса, явление драгического Пьеро на ампейтах трагического пафоса Листа. Что это: музыка иллюстрирует сцену, или сцена иллюстрирует музыку? Опять чудесная слиянность...

А карнавал бьется и плещет в своем роскошном водоеме, дробя в своих брызгах тысячи горячих лучей. Эта смесь эле- меп, наречий, состояний, это карнавал жизни, вечный праздник на каком то бредовом фоне зловещей декорации. А еще глубже—черная бархатная завеса: черная юбка небития, затаянный ответ хаоса на этот веселящийся бездельный Космос, на этот мир мигнующей красоты. Там сольются все эти плавающие категории всех географических широт, всех этнографических индивидуальностей, всех психологических многообразий.

Опыленная плеска жизни. И в ней грездит жало смерти. Мертвенно бледная разбитая жила на пестром веселом мрагоре. Этот кошмар, прорывающийся радужное свидение, представляется в неу- мирающей схеме старо-итальянской комедии de'arte. Неразрешимая коллизия любви. Явь большого сердца среди вахки- ческих свидений опьяненного мозга. Мордкин чертит эту коллизию с ярким пафосом, в театральной трагической приподнятости. И эти театральные страдания среди этого плашущего театра жизни, символизированные в искусственной жизни Пьеро, согретою огнем старого театра, эта божь с высот и котур, вся эта неправда—вдруг такой острой надрывной болью мраклой отражается в сердце. Самой акурной невразумительности современной психобиологической драмы я могу не поверить—но могу ли не страдать с ним, со старым Пьеро, с вечной правдой театра? Comedia de'arte всегда останется человеческой комедией...

Который раз вижу я „Карнавал“. Знаю каждый штрих, каждым живу—который дорог и понятен душе, который примелькался и скучен.

Но вот что-то новое. По белым ступеням спускается голубая фигура. Гасправлет газонные пачки, поднимается на пуанты. Это Маленцова. С очаровательной грустной улыбкой бодряющей невинности. Ее ролька зовется Коломбинной. Но с трагической комедией своих старо-итальянских друзей она никак не связана. Ей только указано протанцевать коротенькую вариацию. Но и в этот краткий миг она сумеет захватывать зрителя. В первых па точно нет полной воздушности, эвализии. Но вот, утвердившись на литон носке, она размахом другой ноги приводит всю свою фигуру во вращательное движение—то, что по балетной герминологии зовется foités, Труднейший прием. Главная победа Кмесинской: в „Лебедином озере“ она исполнила свой знаменитый 32 foités. В этом приеме—весь блеск классической балетной техники. Его влияние на удивленного зрителя неотразимо; Маленцова преодолевает его с такой дивной грацией, что победенный зал разражается овацией. И эта мигнуха Маленцовой явилась истинным праздником на празднике карнавала: то была царца карнавала, промелькнувшая быстрым видением и своей нежно-печальной улыбкой наземшая сладостно-прекрасную грусть неуловимости прекрасного мгновения...

В. Афанов.

Революционно художественный театр.

Наименование, которое присвоил себе новый театр достаточно определено, поскольку речь идет о втором зинте „художественный“. Он означает, что театр в выборе пьес и в своих постановках намерен руководствоваться только соображениями эстетическими, оставляя в стороне остальные и, в особенности, те, которые связаны с легким и внешним успехом, обычно основанным на дурном вкусе.

Несколько неопределеннее обстоит дело с первым зинтом: „революционный“, ибо искусство и революция два понятия, которые до сих пор согласовать не удалось. Если считать революционным искусство, преследующее цели политические, то приходится смешивать прикладное искусство

с настоящим. Если же революционным искусством обозначать искусство революционизирующее свою область, то таким всегда было всякое новое искусство, всякое новое слово поплетнику художественное, помимо какого бы то ни было отношения к революционному политическому и социальным. Исторические примеры доказывают, что этим последним никогда не существовало новое искусство, которое их предугадывало и прибывало и в значительной степени предугадывало, или же появлялось после завершения революционных периодов, с возникновением нового быта. Следовательно, исторически, революционное искусство существует в виде искусства дореволюционного или послереволюционного, но никогда не со—революционного. Но с точки зрения не исторической, а художественной, искусство переживает свои революции, и при той переживает их непрерывно; революция, совершенно отдельные от революций политический или социальный.

Поэтому термин „революционный“ в приложении к театру, только что открывшемуся в Тифлисе, остается неясным, тем более, что по двум первым его постановкам трудно определить его физиономию с этой стороны. Постановил он одну комедию и одну трагедию. Обе пьесы очень интересны и ценны с точки зрения художественной и, по отношению к обычному театру и его репертуару, несомненно революционны. Обе пьесы, несмотря на все их коренные различия внешне и частные, имеют все же нечто их объединяющее и в этом как бы тончайшим образом намечается руководящий принцип и вус инициаторов нового театра. И комедия Мольера, австрийца, очень типичного, и трагедия Ремизова, писателя наиболее русского, может быть, среди современных русских писателей, пьесы глубокие и по настоящему реалистичные, несмотря на кажущуюся фантастику первой с ее изображением загробного мира, на сказочную народную фантазию, которой так богато насыщена вторая. Этот реализм есть, конечно, одна из основ будущего театра, каким бы мы ни представляли себе его будущие формы. Но чтобы мои слова были поняты по настоящему и не служили поводом для нежелательных недоразумений, я должен тут же оговориться, что реализм, о котором идет речь, не есть узко понятый в обывательском смысле узкий реализм, под которым понимается только видимая действительность, та внешняя жизнь, которую мы живем, или, другими словами, мир явлений. В философии и искусстве мир существ реально не меняется, а большая, чем первая, и с этой точки зрения можно говорить о двух реальностях, которыми мы живем, которые воспринимаем как таковые, а не противопоставлять видимость какой то фантастике, чему то ирреальному. Только так следует понимать термин реализм, когда говорится об искусстве, и только так понимает Вяч. Иванов, когда утверждает, что „настоящая трагедия возможна только на почве мировоззрения глубоко реалистического“.

Выбор таких двух пьес, которому соответствовали такая же по духу и стилю постановка и которые были исполнены артистами таким же образом, гораздо показательнее для нового театра, чем внешние, чисто технические новшества, которые и не особенно важны и не слишком значительны, как, например уничтожение рампы. Последнее все же следует приветствовать, потому что всякий шаг приближающий артиста, творческую личность к толпе, от которой он давно отделен непреходимой почти пропастью, необычайно важен для возрождения театра. Видимая, театральная, рампа отделяет толпу от личности и ее нельзя смешивать с рампой метафизической, которая отделяет искусство от жизни. Искусство возникло в тот момент когда протянулась эта невидимая рампа. Она не помешала никакой сорбности, между тем как вторая знаменовала собою уничтожение—постепенное—этой сорбности. И ошибочно было бы думать, что сорбность уничтожается только в соотупновании, сорфовании или сострадания, артиста и артиста. Сорбность есть прежде всего начало объединяющее собирующую в одно место для какой нибудь общей цели толпу. Эта сорбность, утраченная по мере того, как осложнялась культура и личное начало стало доминировать над общим, явилась основным, неизменяемым условием для существования театра, единственного вида искусства коллективного. И кризис, переживаемый театром уже давно, вызван исключительно утратой сорбности, владычеством индивидуализма. Возрождение театра будет возможно только на началах новой сорбности или по крайней мере, нового коллективизма. Пока его нет, никакие усилия не создадут нового театра. Но все, что способствовало ему, что его предугадывает, что воссчитывает вкус, должно быть приветствуемо и поддержано, так как иных путей сейчас для театра нет. И в этом смысле нужно считать Революционно-Художественный Театр предприятием, во злой мере оправданым и зачатим.

С. Р.

ИСКУССТВО В РОССИИ И ЗА-ГРАНИЦЕЙ.

СРЕДИ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ

— Творчество графа Алексея Ник. Толстого вызывает большой интерес в кругах иностранной и театральной читательской публики.

Парижский „театр исканий“ Vieux Colombier осенью этого года ставит его пьесу: „Любовь—книга Золотая“. Газета „Фигаро“ с похвалой начинает печатание его романа „Хождение по мукам“. Перевод и пьесы и романа сделан выдающимся переводчиком Мишель де-Грамон.

В Германии пьеса А. Толстого идет в Мюнхене.

Что же касается романа (его окончание в 7-ой книжке „Современных записок“), то кроме уже сделанных его переводов на немецкий, чешский и норвежский языки, на днях крупнейшее американское издательство переходной литературы—Вони, Ливерпат и К^а—приобрело исключительное право издания романа на английском языке в Соединенных Штатах.

То же издательство заказало гр. А. Н. Толстому новый роман из эпохи русской гражданской войны.

В Москве, в кафе Всероссийского Союза Поэтов состоялся вечер Ив. Рукавишников. Поэт прочел несколько новых произведений.

— Издательство петербургского дека поэтов выпускает новые книги: „Немертвую книгу Николая Гумилова под названием „Посредние странствия земного“ и три сборника стихов молодых поэтов: Сергея Нельдизена, Ирины Одоицовой и Николая Огуза.

— А. Р. Кутерьга (Homo Novus) возобновил в Петербурге свое издание „Театр и Искусство“.

СРЕДИ ХУДОЖНИКОВ.

— Петроградский корреспондент „Путь“ пишет:

„Многим петроградским художникам пришлось пережить тяжелые лишения, но большинство из них осталось верным своему призванию.“

Попреемному очень много работает Ю. Клевер, постоянно получающий заказы на исполнение видовых картин. Сын его Оскар Клевер, состоит декоратором Переходного театра (Гайдебурова). И. Самонов занят преимущественно портретно-жанровыми работами. А. Гоголин в последнее время довольно часто уделяет внимание графике. В области графика попреемному работает М. Добрыжневский, С. Чехонин, Д. Митрохин. С Чехониным исполнил ряд книжных украшений для издательства „Светозар“. Кроме того, художник заведует художественным отделением государственного фарфорового завода. Многие изделия этого завода украшены его живописью. Митрохин состоит хранителем отделения гравюр и рисунков Русского музея. Им выполнено, между прочим, несколько графических работ для издательства „Петрополь“.

Александр Н. Бенца работает главным образом, в области театральной декорации. По его эскизам исполнены декорации к „Царевичу Алексею“ (б. Александринский театр), к „Пиковой Даме“ (б. Марининский театр) и пр. Многие постановки этих театров выполняются при участии А. Н. Бенца в качестве режиссера.

Сергей Михайлов написал ряд удачных портретов. Много занимается портретной живописью П. П. Нерадовский. На последней выставке „Дома Искусств“ экспонировались его недавние портреты, замечательные по легкости и четкости исполнения. Нерадовский, помимо чисто художественной деятельности, несет обязанности заведующего картиной галереи Русского музея.

Петров-Водкин ведет преподавание в б. академии художеств.

— Русские художники, живущие в Париже и принадлежащие к группе „Мир Искусства“ в Париже, провели очень плодотворно минувшее лето.

А. Яковлев, В. Шухаев на берегу Срезинского моря—работали все лето, приготавливая ряд отличных вещей, которые и появятся частью на выставке при „Салон д-Отон“, а главным образом, на выставке этих художников в галерее Барбазан. Яковлев принял участие также на открывавшейся вскоре выставке „100 рисунков“ у Девамбеа.

С. Сорин тоже усердно работал “о

части этюдов природы близ Парийей и привез много этюдов, сделанных в Сибире-регов.

И. Я. Вильямс работает в Париже в Каире, принявшись за другое „панно“ для какого-то греческого особняка. Кроме того, он возобновил свою „графическую“ отрасль дарования, заказами по изготовлению обложек и иллюстраций к изданиям „Русского Искусства“.

Н. К. Рерих с огромным успехом выставил в Сан-Франциско, в музее. Был вышущен отличный каталог с многими иллюстрациями, библиографией, перечнями и пр.

В. Григорьев работал в Нормании и привез в Париж целую серию работ, посвященную Франции. Эти вещи будут в „Салоне“ где Грагорьев выставит в большом числе.

Барон К. К. Раух за лето сделал ряд очень удачных и приятных, напоминающих его лучшие работы на Петерб. фарфор. заводе, статуэток. Они будут отлиты из бронзы и выставлены в декабре на выставке, организуемой „Русск. Общ. История“.

Д. Стеллецкий все лето в Каии занят был усиленно подготовкой к предполагаемой выставке Русского Революционного Искусства в Павильоне Марзан и Лувре. К сожалению, выставка не состоится, т. к. приходится устроить в этих залах выставку нового декоративного искусства Франции. Стеллецкий выставит много в декабре у Девамбеа. Произведения Стеллецкого полны того же очарования и проникнуты прекрасным пониманием русского искусства XVI—XVII в.в.

— В начавшемся осеннем сезоне большим успехом в Париже пользуется молодой русский скульптор Сергей Ловицкий, автор бюстов многих видных деятелей французского искусства и политической жизни.

В ТЕАТРАХ.

— В предстоящем зимнем сезоне Художественный театр из новых постановок поставит „Розу и Крест“ Александра Блока и „Свет во тьме светит“ Льва Толстого. В. Пемрович-Даченко, продолжая свою работу по разработке тьма художественной оперетты, поставит „Орфей в аду“ Оффенбаха. Под его же руководством весной 1922 г. пойдет „Дворянское гнездо“ с музыкой Ребникова.

— Первая студия Художественного театра составляет свой репертуар из следующих пьес: „Смерть Тарелкина“,—комедия Сухова-Кобылина (в главных ролях Москина и Чехов), „Гамлет“ во главе с Хмарой, вечер интима Сервантеса и новая пьеса молодой писательницы Вроде-лей „Архангел Михаил“.

— Во второй студии Художественного театра пойдет „Разбойники“ Шиллера и „Гроза“ Островского.

— В Камерном театре идут следующие пьесы: „Однa сплошная негодность“ Владимира Шершеневича, „Дон Хиль Зеленьне Игнанн“ и Севильский общельствитель Тюрсо де Молино, „Сарданпал“ Байрона, „Лялюги“ Ромен Ролана, „Протей и Клодеа“, инсценировка Золотого горшка Гофмана, драматическая инсценировка „Кармен“ и, наконец, инсценировка „Упыря“ Алексея Толстого.

— В Москве намечены новые постановки: „Слуга двух господ“—Гольдони, „Здесь спалит разум“—В. Каменского, „Освобожденный Дон-Кихот“—А. Луначарского и др.

— В течение зимнего сезона в Марининском театре будет гастролировать Д. Собинов.

— В Москве в лютеранской церкви Петра и Павла возобновилась постановка марюарского „Реквиема“ под управлением Н. И. Сула.

— В текущем году исполняется 35 лет сценической деятельности заслуженного артиста Александринского театра Р. Б. Аполовского. Юбилару предоставлен бенедифе, для которого пойдет пьеса Леонида Андреева „Соборный вальс“.

Редактор Николай Митрошин.

Вышла и поступила в продажу книга

ВАВИЛОН

Сборник стихов поэта Ш. Кармели. Цена 10 тыс. р. Склад в ред. „Фигаро“.

Вышла и поступила в продажу книга

НОЧИ

Сборник стихов поэта Р. Гаетале. Склад в ред. „Фигаро“.